

О боже, боже, как кружится голова от того, что я не умею тебе сказать всего, что накипело у меня в душе горького и счастливого, смутного и светлого. И Жуковскому, и Вяземскому, и баснописцу Крылову, и всем красавицам петербургским сказать, что Пушкин жив и требует памяти и любви!

Пушкин — Пушкину в беседе 11 февраля 1825 г.

...Эти годы были для Пушкина и трагическими, и счастливыми одновременно. Царские сатрапы оторвали его от друзей, от тех, кто в тайном обществе готовил низвержение царского самодержавия. Сосланный под сень Михайловских кущ, он страдал и мучился, лишенный возможности быть рядом с единомышленниками. И еще — действовал. Создавал «Бориса Годунова» и «Евгения Онегина», с восхищением слушал и записывал народные песни и сказки от доброй подруги дней суровых Арины Родионовны. Здесь, вдали от «мирской суеты», Пушкин обрел новых друзей. Он ездил в Тригорское к Осиповым, любовался милою Олей Калашниковой, восторгался страстью к Анне Керн.

Унизительный надзор за каждым шагом опального поэта. Мгновение радости, искрометной встречи с Иваном Пущиным. Дни мучительного ожидания известий о восстании на Сенатской площади. Весть о причинно-последственной казни героев 14 декабря и горькое откровение: «Я мог быть шестым...».

Таково время, место и содержание спектакля по пьесе Д. Деля «Александр Пушкин», который Матитогорский драматический театр поставил в год 175-летия великого поэта.

В спектакле лишь штрихи к образу необъятному и неисчерпаемому, лишь отдельные эпизоды напряженной духовной и творческой жизни поэта. Но эти сцены, эти живые черточки приближают из дали времени, делают близкими, сегодняшними и всегдашними бессмертные пушкинские строки, бессмертный облик его. Пушкин жил, напоминают они, жив и вечно будет жить...

Два актера воссоздают образ поэта в спектакле, трогательно и любовно поставлен-

ном Ю. Тамерьяном и оформленным заслуженным художником РСФСР В. Кузьминым (в оформлении щедро и умно использованы факсимиле рукописей Пушкина). Общий рисунок роли един, однако каждый из исполнителей вносит в образ частичку собственной индивидуальности. А из сравнений и сопоставлений возникает своеобразный двойной портрет,

она как бы воплощает отрыв от друзей, предощущение виселиц и каторги. Ужасная весть о казни декабристов, услышанная из уст Прасковьи Александровны Осиповой-Вульф, друга истинного и доброго, кажется, подкашивает поэта... Такой Пушкин оправдывает предсказание Алексея Вульфа: в самые пылкие моменты любовных признаний поэт задумыв-

у настоятеля Святогорского монастыря некоторая таиняя от всех слабость к опальному Пушкину...

Особо стоит сказать о Пущине. В исполнении Ю. Конкина Иванно — восторженный и смелый, сумевший через препоны и запреты устроить свидание с другом и почти потерявший голову от радости этой встречи. Но едва речь зашла о тайном обществе, Пущин мгновенно преобразается, становится серьезным и ответственным. Он-то прекрасно понимает, насколько важно уберечь пылкого и восхитительного «Сверчка» — гордость, славу и надежду российской поэзии!

Иное дело — Тригорское, свободолюбивая помещичья семья Прасковьи Александровны. Но ни Анна Вульф (Т. Багреева и Е. Калинин), ни Алина (Н. Данилова и Ж. Русинова) не выражают полно свежести, непосредственности, остроты, молодые обитатели Тригорского, не передают атмосферы любовных увлечений и шалостей, так, очевидно, скрашивавшей одиночество Пушкина. Почему-то слишком желчен и серьезен Алексей Вульф (В. Денисов). И только М. Окоченикова (Прасковья Александровна) поняла противоречивую сложность либеральной и умной крепостницы-помещицы и ее искреннее, незамутненное корыстными расчетами сочувствие Пушкину.

Кактус несколько прямолинейными сцены с крестянами в Святогорском монастыре. В них, как нигде более в спектакле, ясно просматривается опасность излишней и навязчивой социологизации. Они обрывают жизнь и интерес благодаря тактичной работе Н. Галaktionова (Аким) и В. Яныкова (Шкода). Но Бошкин, этот агент III отделения, специально посланный проследить за связями Пушкина, поставлен обоими исполнителями (С. Самсонов и О. Суворкин) в положение лица служебного, выполняющего чисто сюжетную роль.

...Пушкин, живой и трепетный, радуется, печалится, пишет стихи, думает и борется. И звучит, звучат его вдохновенные строки...

Л. НИКОЛАЕВ.

ТЕАТР

ПУШКИН ЖИВ!

создавая дополнительную объемность образа. Это важно подчеркнуть, ибо оба исполнителя в главном и основном остаются верными сути.

У С. Юдина Пушкин молод, легок, стремителен. Его уже коснулась, но не задела сильно тоска ослы, одиночества. Он еще светел, ребячлив и остается для старой его мамы Арины Родионовны капризным дитятей, легко успокаивающимся от сказок, от песен сеньных девиц... Этот Пушкин открыт радости.

Кульминацией актерской работы С. Юдина становятся эпизоды с Анной Керн — эпизоды внезапно вспыхнувшей, поглотившей поэта страсти. Исполняющая эту роль В. Кириллова не опасается подчеркнуть земное происхождение «гения чистой красоты». Думаешь, ей легче и интереснее вести страстный и в то же время полный шалостей, намеков и совсем не возвышенных чувств диалог именно с таким Пушкиным...

Пушкин Н. Читасова как бы заглянул в свое будущее и познал глубину грядущей трагедии. От этого и острое ощущение трагизма михайловской ссылки, потери друзей. От этого резкие переходы от безудержной радости к крайнему отчаянию — эмоциональные всплески бурного темперамента. Встреча с Пущиным для него не столь радостна, сколь трагична.

важется и о рифме, и о жизни.

Таким Пушкин и был. Оба актера как бы объединяют свои усилия в воссоздании его сложного портрета, находят живые детали, подробности, движения души. Стремление к внешней похожести отнюдь не становится самоцелью. Это лишь дополнительно оттеняет поиски выражений внутренней сущности живого и переменчивого характера.

Пушкина в спектакле, естественно, нельзя отключить от связей, столкновений, взаимоотношений с людьми, с теми, кто окружал его в Михайловском, кто привлекал его в Тригорское, кого искал он в Святогорском монастыре. В общении с ними и раскрывается жизнь и живая мысль его. Вот милая, немного традиционная Алина (А. Шипунова), по-матерински, самозабвенно заботящаяся о своем ненаглядном Сашеньке. Вот прелесть непосредственная в чувстве к молодому барину Оле Калашникову (Т. Голубева). Вот немного скованные (видимо, из-за натуральности игры и пения под фонограмму) сеньные девушки. Все эти люди как раз и делают с Пушкиным скорбные и веселые дни в михайловской ссылке.

На образ поэта «играет» и отец Нона (А. Широков). Трудно избавиться от его недраманного ока, трудно провести его. Но, судя по всему,